ИСТОКИ МОРДОВСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Шандор МАТИЧАК (Shandor MATICHÁK),
доктор филологических наук, профессор Дебреценского университета (г. Дебрецен, Венгрия)

1. Самые старые письменные памятники финно-угорских языков появились на венгерском (в XI столетии), древнепермском (в конце XIV в.), на финском и эстонском (в середине XVI в.) (на русском об этих памятниках подробнее см.: [2, *147–149*; 3, *170–176*; 5; 10, *115–119*]). Мордовская письменность, как и письменность других финно-угорских языков региона, марийского, удмуртского и коми, охватывает короткий период в 300 лет. Первыми памятниками письменности были записанные иностранными путешественниками списки слов, а также сохранившиеся и используемые в духовных семинариях, в первую очередь в Нижнем Новгороде и Казани, разноязычные книги религиозного содержания, запечатлевшие отрывки мордовских текстов.

Российская империя в XVII–XVIII столетиях завоевывала все больше земель, распространялась все дальше на юг и восток, параллельно возрастала и нужда в научном описании увеличившейся до грандиозных размеров страны. Экспедиции, организованные просвещенными монархами Петром I и Екатериной II – при действенной помощи основанной в 1725 г. академии, – произвели географическое и топографическое описание империи, систематизировали флору и фауну и при всем этом собрали огромное количество этнографических и языковых данных ранее неизвестных народностей, обитающих на востоке, среди прочих и мордвинов. Первые путешественники, первооткрыватели оповещают не только об условиях жизни, религии, обычаях народов России, но и об их языках: в этот период были составлены первые списки слов и тексты разной длины.

Лингвистика сравнительно мало рассматривала мордовские письменные памятники в монографических трудах, лишь известный исследователь мокшамордовского языка Александр Павлович Феоктистов представил эти тексты [13; 15; 18], а также написал по теме статьи [11; 14; 16] и введения к справочникам [12, *177*, 199; 17, *262–265*; 19, *5–8*]. Он был тем, кто мог изучать документы эпохи в оригинале. Лингвисты немордовского происхождения в своих обзорах, монографиях лишь коротко упоминают этот период истории языка [20, *23–24*; 23, *15–20*; 24, *9–10*; 30, *97*].

В своих исследованиях я попытался систематизировать в единой тематической форме материалы, обнаруженные и рассмотренные Феоктистовым в московском, петербургском, нижегородском и других архивах (он рассматривает отдельно письменные и печатные памятники языка, материалы на эрзя- и мокшамордовском языке). На сегодняшний день практически все эти материалы доступны в Интернете, таким образом, предоставляется возможность дополнить, уточнить анализ и выводы Феоктистова, а также опубликовать подробный анализ лишь вскользь упоминаемых им письменных памятников языка.

2. Первые шаги связаны с именем голландского ученого Николаса Витсена (1641–1717). Будучи работником голландского консульства в Москве, Витсен в период между 1664 и 1667 гг. собирал этнографический и лингвистический ма-

© Матичак Ш., 2015

териал о народностях Российской империи. Кроме того, им была составлена первая западноевропейская карта Сибири. По прибытии домой он ступил на политическое поприще (был и мэром Амстердама), но мысль об издании книги не оставляла его в покое, и спустя 25 лет ему удалось выпустить пополненный за это время новыми данными труд под заголовком "Noord en oost Tartarye" в 1692 г. на голландском языке[1] [8, *24–28*; 20, *414–416*; 29, *15–25*].

В первой части двухтомного труда Витсен представляет старые источники, а во втором излагает новые познания о народах России от Черного моря через Поволжье до Сибири. В этом томе автор уделяет внимание и мордвинам; помимо описания их обычаев, быта приводит и лингвистические данные; значительно опережая свое время, оповещает читателя о том, что мордвины и черемисы состоят друг с другом в родстве. В данном случае нас интересует фигурирующий в труде, включающий 324 словарные статьи голландско-мордовский словарь (находящийся на 624–627 страницах). Феоктистов в своей монографии и статьях, посвященных памятникам мордовского языка, кратко ознакомляет читателя с этим словарем [11, *3–11*; 14, *107–108*; 15, *13*; 18, *10–15*]. Его перечень критериев мной дополняется новыми элементами, его анализ уточняется, иной раз рассматривается заново (подробнее см.: [25, *39–56*; 28]).

Слова словаря следуют друг за другом не в алфавитном порядке, а по понятийным группам (религиозные понятия, явления природы, названия растений, оружие, части тела, социальная организация быта, одежда, названия животных, еда, напитки, периоды суток, времена года, стороны света; глаголы, прилагательные, числительные).

Витсен передает мордовские данные записями на латинице, транскрипция в основе следует правилам голландской (немецкой) орфографии. Собрав данные на территории мокши (о диалектной принадлежности ранних мордовских памятников языка см.: [26]), он, сам того не осознавая, выполнил более сложную задачу, так как орфография эрзи значительно проще. Витсен допускает довольно много ошибок, например: *sile* 'четыре' (вместо *ńiľe*), *kemkilia* 'четырнадцать' (*kemńiľe*), *kensk* 'дверь' (*kenkš*), *kiel* 'камень' (*kev*), *makta* 'печень' (*maksa*), *tulda* 'весна' (*tunda*). Из-за не сложившейся окончательно орфографии некоторые слова приводятся в разных формах: *jomla*, *jolam*, *jomlj*, *jomlu* 'маленький'; *kize*, *kise*, *kiase*, *kysa* 'лето; год'.

При записи согласных звуков Витсену больше всего проблем доставляет отражение сибилянтов и аффрикат, немало хлопот и с транслитерацией /*k*/. Для обозначения звука /*c*/ он использует графемы *z*, *cz*, *tz*, *ts*, например: *ozu*, *oczu* 'большой' (сегодня: *oću*), *loftze* 'молоко' (*loftsă*), *kutskan* 'подорлик' (*kućkan*); а для отражения на письме /*č*/ служат *ts* и *sz*: *krents* 'ворон' (*krańč*), *usza* 'овца' (*učа*). Звук /*š*/ может обозначать как *sch*, *sh*, *s*, так и *ch*: *schy* 'солнце' (*ši*), *shej* 'болото' (*šäj*), *sobda* 'тёмный' (*šobda*), *pche* 'хлеб' (*kši*). Звук /*k*/ передается буквами *c* и *ck*: *caldas* 'хлев' (*kaldas*), *otiacks* 'петух' (*aťakš*).

Витсен в основном передает имеющуюся и в его родном языке корреляцию по звонкости, но чужеродную для него палатальную корреляцию, за исключением нескольких случаев, не отражает: ср. *id* 'ребенок' (*iď*), *menel* 'небо' (*meńəľ*), *seks* 'осень' (*śokś*), *stir* 'дочь' (*śťiŕ*), но: *siade* 'сто' (*śadă*).

При транслитерации гласных самую большую проблему составляет запись редуцированных, на их месте Витсен пишет буквы, соответствующие полнозначным согласным, например: *iondal* 'молния' (*jondəl*), *colmagemen* 'тринадцать' (*kolməgemәń*), *azir* 'хозяин' (*azər*).

Словарик включает примерно 40 лексем русского происхождения (свидетельство того, что влияние русского языка в этот период уже значительно): здесь преобладают армейский словарный состав и названия животных, например: *buka* < *бык*, *sevrug* < *севрюга*, *slan* < *слон*, *sokol* < *сокол*,

[1] http://gdz.sub.uni-goettingen.de/dms/load/img/?PPN= PPN340052333.

verblud < *верблюд*; *palas* < *палаш*, *spada* < *шпага*; *chram* < *храм*, *grus* < *груша*, *piva* < *пиво*, *sater* < *шатёр*.

3. Именитый немецкий врач и естествоведДаниэль Готлиб Мессершмидт (1685–1735) по просьбе царя Петра I организовал экспедицию в Сибирь в период между 1720–1727 гг.; в основном сбор данных происходил в районе Тобольска, Красноярска и Иркутска. Помимо описания животного мира региона экспедиция обогатила научные познания тех времен и другими ценными находками. Кроме данных о мире природы ученый собрал множество этнографического материала. Исследователя интересовали люди, их вера, условия труда, одежда. Он документировал свои путешествия в дневнике, который был издан лишь 250 лет спустя, между 1962 и 1977 гг. в Берлине под заголовком "*Forschungsreise durch Sibirien*".

Мессершмидт собирал и лингвистические данные, запечатлев их в рукописи "Specimen der Zahlen und Sprache Einiger Orientalischen und Siberischen Völker", в которой помимо венгерских, финских, коми, удмуртских, мансийских, хантыйских данных содержатся и собранные во время путешествий мордовские слова. Он записал латиницей числительные от одного до десяти, транскрибируя, исходя однозначно из немецкого языка. На основе небольшого количества языкового материала нельзя определить его диалектную принадлежность. В нем есть и формы с признаками диалекта эрзя, ср.: *wäxe* 'один' (сегодняшний эрзянский *vejke*, мокшанский *fkä*), *kaluska* (скорее всего здесь допущена ошибка на письме, вместо *kauska*) 'восемь' (э. *kavkso*, м. *kafksa*); есть формы с более выраженной принадлежностью к диалекту мокша, например: *kaffta* 'два' (э. *kavto*, м. *kafta*), *kolma* 'три' (э. *kolmo*, м. *kolmə*), *kuta* 'шесть' (э. *koto*, м. *kotə*), а также и без выраженной принадлежности к определенному диалекту: *wite* 'пять' (э. *veťe*, м. *veťə*), *ssissim* 'семь' (э. *śiśem*, м. *śiśəm*), *kaime* 'десять' (э. *kemeń*, м. *keməń*) [15, *14–15*; 18, *15–16*].

4. Решающая битва Великой Северной войны (1700–1721), Полтавская битва (1709), разрушила имперские мечты шведов, но в значительной мере обогатила появившуюся позже науку финно-угристику. Один из многочисленных военнопленных, Филипп Иоганн фон Страленберг (1676–1747), попал в Тобольск, где прожил с 1711 по 1721 г. За это время он собрал огромный географический, этнографический и языковой материал о народностях восточной России, который по возвращении домой в 1730 г. издал в Стокгольме на немецком языке под заголовком "Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia"[2]. В своем труде Страленберг представил народы, названные им бореоориентальными. Рассмотренные им языки, народности он зачислил в шесть групп, к первой из них отнеся финский, венгерский, ханты, манси, мордовский, мари, коми и удмуртский, к третьей – самоедская группа языков [8, *30–33*].

Сталенберг не был сторонником теории Лейбница, подчеркивающей в первую очередь переводы текста «Отче наш». Понимая, что язычники не могут назвать христианские понятия, он собрал исконный словарный состав (числительные, названия частей тела и т. д.). Собранные им материалы известны под названием "Tabula Polyglotta" или "Harmonia linguarum gentium boreo-orientalium vulgo tatarorum". В них он представил 60 слов на 32 языках. Мордовский материал неполон, содержит всего 28 слов. На основе малого количества мордовских слов нельзя с полной уверенностью определить их диалектную принадлежность, но, по мнению Феоктистова, они скорее на диалекте эрзя, на таком говоре, в котором известен звук /*ä*/.

Часть мордовских слов – числительные, остальные – названия частей тела и прочие названия принадлежащих к базовому словарному составу понятий. Запись этих лексем неточна, показывает влияние немецкой орфографии. Числительные лишь частично напоминают сегодняшние

[2] http://books.google.hu/books/about/Das_Nord_und_Ostliche_Theil_von_Europa_u.html?id=EPMOAAAAQAAJ&redir_esc=y.

литературные формы (*kaffta* ‘два’, *kollma* ‘три’, *nille* ‘четыре’, *wäte* ‘пять’ – сегодня *kavto*, *kolme*, *ńiľe*, *veťe*), отображение на письме других форм тоже не лучше: *pelli* ‘нога’ (сегодня: *piľge*), *pills* ‘ухо’ (*piľe*), *katti* ‘рука’ (*keď*), *pretzier* ‘волосы’ (*ṕŕačeŕ*). Не отображается также палатализация: *loman* ‘человек’ (*lomań*), *nille* ‘четыре’ (*ńiľe*), *silms* ‘глаз’ (*śeľme*) [11, *11–12*; 15, *13–14*; 18, *16–18*].

5. В начале XVIII в. все больше информации выходит в свет о народах разросшейся до огромных размеров России, все больше путешественников достигают отдаленных, представляющихся экзотическими, уголков страны. Так называемая Вторая Камчатская экспедиция (1733–1743) была важна и с точки зрения финно-угристики. Часть первооткрывателей собирала материалы у народов Поволжья и Сибири, направляясь из Казани в Сибирь. Членом этой группы между 1733 и 1738 гг. был Герхард Фридрих Миллер (1705–1783), который в 1733 г. в Казани за короткое время собрал значительный языковой и этнографический материал среди живущих в этих краях финно-угорских и тюркских народов и эти данные уже в 1743 г. изложил в форме книги, но изданы они были лишь в 1791 г. под заголовком «Описания живущих в Казанской губернии языческих народов» [8, *58–60*].

Второй частью тома был восьмиязычный словарь, изложенный на кириллице, помимо русских словарных статей включающий и татарские, марийские, чувашские, удмуртские, коми-пермяцкие, коми-зырянские, мордовские слова. Мордовский материал этого словаря включает 313 слов, в большинстве своем эрзянских. Темы, представленные в словаре, разнообразны: явления природы, элементы ландшафта, время суток, дни недели, металлы, минералы, названия людей, родственные отношения, части тела, предметы одежды, бытовые предметы, мебель, названия животных, названия растений; несколько глаголов, прилагательных и в конце числительные. В этом материале сравнительно небольшое количество русских заимствований.

Мордовские слова Миллер записывает согласно принципам русского правописания, использует и твердый знак, например: *атякшъ* ‘петух’ (сегодня: *атякш*), *ярмакъ* ‘деньги’ (*ярмак*), *венчъ* ‘лодка’ (*венч*). Миллер стремится обозначать на письме палатализацию в начале слов, даже в позиции после так называемых беспарных согласных звуков, записывая с мягким знаком или буквой *i*: *вьедъ* ‘вода’ (*ведь*), *вьете* ‘пять’ (*вете*), *кьевъ* ‘камень’ (*кев*), *сьедей* ‘сердце’ (*седей*); *кіель* ‘язык’ (*кель*), *піель* ‘туча’ (*пель*), – которая иногда опускается или вместо нее используется твердый знак: *пиле* ‘ухо’ (*пиле*), *пильге* ‘нога’ (*пильге*); *съе* ‘серебро’ (*сия*). Палатализация в начале слова обозначается также удвоением согласной: *ссьельме* ‘глаз’ (*сельме*), *ссизимъ* ‘семь’ (*сисем*), *ссъяда* ‘сто’ (*сядо*) [11, *12–22*; 15, *16–17*; 18, *85–88*].

6. Работу Миллера продолжил Иоганн Эбергард Фишер (1697–1771), который издал результаты сбора материала в период между 1739 и 1747 гг., описание финно-угорских народов, под заголовком “Sibirische Geschichte” в 1768 г. (на русском: «Сибирская история», 1774). В этом труде помимо других финно-угорских лексем записано и 25 мордовских. В сборнике статей “Quaestiones Petropolitanae” приводятся списки слов на восьми диалектах, среди них и 23 слова на мордовском [8, *60–61*]. Словарь Фишера “Vocabularium Sibiricum” включает словарный материал более 50 языков и диалектов, около 300 слов на язык; всего приводит более 12 тыс. слов. Мордовский материал, записанный латинской транскрипцией, содержит 277 словарных единиц, преимущественно эрзянских.

Фишер вел запись в соответствии с немецким правописанием. Для обозначения звука /*v*/ используется буква *w*, например: *wälä* ‘село’ (*veľe*), *walma* ‘окно’ (*vaľma*), *wir* ‘лес’ (*viŕ*); /*š*/ передается *sch*, /*č*/ – через *tsch*: *asch* ‘белый’ (*ašo*), *osch* ‘город’ (*oš*); *tschar* ‘мышь’ (*čejeŕ*), *pitscha* ‘сосна’ (*piče*). Связь звуков /*ks*/ обозначается графемой *x*: *kauxa* ‘восемь’ (*kavkso*), *surx* ‘кольцо’ (*surks*).

Фишер непоследователен в обозначении палатализации. Как правило, он не

обозначает палатализацию в конце слова, например: *kied* (*ked'*), *kjel* (*kel'*), *kümen* (*kemeń*), но в начале слова обычно обозначает в позиции рядом с буквами *i* и *j* или, как и Мюллер, удвоением согласного *s*, например: *siärda* 'лось' (*śardo*), *wied* 'вода' (*ved'*); *kjäw* 'камень' (*kev*), *tjeschtsche* 'звезда' (*ťešťe*) (сегодня орфография не обозначает палатализацию после так называемых беспарных согласных); *ssielmä* 'глаз' (*śil'me*), *ssjäda* 'сто' (*śado*), *ssjedei* 'сердце' (*śed'ej*) [11, *22–23*; 15, *17–18*; 18, *19–21*].

Материал Фишера происходит преимущественно из диалекта эрзи, сходен и со словарем Миллера по материалам наречия, в котором был известен звук /á/, например: *kiling* 'береза' (современная литературная форма *kil'ej*), *tongsöra* 'пшеница' (*tovśuro*), – однако содержит и несколько лексем мокшанского типа: *loftza* 'молоко' (м. *lofca*, э. *lovso*), *schufta* 'дерево' (м. *šufta*, э. *čuvto*) [13, *86–88*].

7. Научные экспедиции продолжаются по всей территории России и во времена царствования просвещенной монархини Екатерины II: в период между 1768 и 1774 гг. происходят изучение и описание регионов Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока, а также Кавказа, ознакомление с настоящими ценностями империи, что являлось одной из первостепенных целей Петербургской академии. Помимо сбора богатого географического и естествоведческого материала эти путешествия породили огромный подъем в сфере этнографии, истории и лингвистики. Выдающимся участником собирательной работы был Петер Симон Паллас (1741–1811), который, будучи руководителем так называемой Оренбургской экспедиции, работал в регионе Поволжья. Обзор его российских путешествий представлен в книге "Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs" (1771–1801) (на русском «Путешествие по разным провинциям Российской империи»), которая содержит 22 мордовских слова и выражения [8, *66–70*; 11, *31–33*; 15, *19–22*; 18, *43–50*].

Выдающийся результат языковедческой работы Палласа – составленный по инициативе царицы Екатерины II "Linguarum totius orbis vocabularia comparativa. Сравнительные словари всех языков и наречий" [9][3], в котором даются названия 285 предметов и понятий на 200 языках (на 51 европейском и 149 азиатских). Он включает следующие понятийные группы: названия людей, родственных связей, частей тела, отвлеченные понятия, явления природы, периоды суток, основные географические понятия, названия растений, животных, цветов; прилагательные, основные глаголы, местоимения, наречия, числительные.

Среди 200 языков фигурирует немало финно-угорских и самоедских, в том числе мордовский, точнее два мордовских языка: на 61-м месте значится мордовский, а на 62-м – мокшанский. Так в качестве мордовского выступает диалект эрзя.

Мордовский материал записан кириллицей, согласно русскому правописанию. Твердый и мягкий знаки используются последовательно, т. е. после непалатализованного конца слова – твердый, например: *сазоръ* 'сестра' (сегодня: *сазор*), *суртъ* 'пальцы' (*сурт*)[4], а после палатализованного конца слова – мягкий знак (*вирь* 'лес', *минь* 'мы'). Более того, Палласом обозначалась и палатализация внутри слова: *сяльме* 'глаз', *гулька* 'голубь'. Иногда, однако, и он непоследователен: *техтеръ* 'дочь' (*тейтерь*), *ломанъ* 'человек' (*ломань*); *толь* 'огонь' (*тол*), *мастырь* 'земля' (*мастор*). В словаре зафиксировано немало сложносоставных слов, которые последовательно записываются Палласом слитно: *покшьварма* 'вихрь' (большой + ветер), *чувтокядь* 'кора' (дерево + кожа), *сельметурва* 'веко' (глаз + губа) [16, *117–125*; 18, *89–93*].

8. Составляя свой словарь, Паллас получил немалую помощь от коллег. Именитый историк, лингвист и редактор Л. И. Бакмейстер, который был инспектором нижегородской академической гимназии в 1773 г., обращается к русским ученым с просьбой посылать ему как мож-

[3] http://commons.wikimedia.org/w/index.php?title=File:Linguarum_totius_orbis_1.pdf; …_2.pdf.

[4] Мной приводятся примеры на эрзянском.

но больше переводов текстов на «новых» языках по образцу данных им текстов. Бакмейстер этим хотел внести свой вклад в работу Палласа по составлению словаря. Мордовская часть материала под названием «Речи для переводу на мордовской язык» содержит числительные и сформулированные заранее предложения [13, *25–29*].

Назначенный в 1783 г. нижегородский губернатор Иван Ребиндер также посылает Палласу рукописный список слов – «Перевод нижеобъявленных слов теми языками и диалектами, кои употребляются между народами губернии Нижегородскую и Пензенскую населяющими (слова российские по-татарски, по-черемисски, по-мордовски)», в котором им даются татарский, марийский и эрзя-мордовский эквиваленты 287 русским лексемам. Он посылает и мокшанский материал («Перевод нижеобъявленных слов мордовским разговором, каков употребляется в Пензенском наместничестве»), который Паллас также использовал при составлении словаря [13, *23–25*, *92–93*].

Феоктистов в архиве Академии наук СССР находит и два списка слов, которыми также пользовался Паллас. Их автор неизвестен, оба материала – из Нижнего Новгорода. Один из них – русско-марийско-эрзя-мордовский список, включающий 286 слов («Список русских слов с переводом на черемисский и мордовский языки»), а второй – русско-марийско-удмуртско-чувашско-эрзя список, включающий 264 единицы («Список русских слов с переводом на черемисский, чувашский, мордовский и вотяцкий языки») [13, *79*].

9. Помимо «экспедиционных словарей» Феоктистов находит немало других словарных списков в архивах. Их ряд открывает короткий рукописный список, в котором рядом с выражениями на финно-угорских языках дается перевод на латинском («Сходство венгерского с остяцким и вогульским, с пермским и зырянским; и с татарскими языками»). В списке находим 20 эрзянских слов [13, *86*]. Составитель списка неизвестен, но запись мордовских слов произведена на латинице и следует тем же орфографическим принципам, о которых говорилось в связи со словарем Фишера. Палатализация внутри слова не обозначается (например: *wälä* ‘село’ (сегодня: *veľe*); *menil* ‘небо’ (сегодня: *meńel’*), но отражается в начале слова вставлением букв *i* или *j* либо удвоением *s*: *wied* ‘вода’ (*ved’*), *kjed* ‘рука’ (*ked’*), *ssiedei* ‘сердце’ (*śed’ej*). Для записи звука /š/ используется комбинация букв *sch*: *scher* ‘волосы’ (*šer*), а для /v/ – буква *w*: *wei* ‘ночь’ (*ve*), *wai* ‘масло’ (*voi*). В коротком списке доминируют названия частей тела.

Именитый русский историк и географ, автор труда «История Российская» В. Н. Татищев (1686–1750) занимался и лингвистическими вопросами: в его планы входило составление большого словаря, включающего все языки России, о чем он доложил в Академии в 1739 г. «Предшественником» этого труда явилась рукопись, включающая примерно 500 слов, содержащая чувашский, марийский и мордовский материал с русскими словарными статьями. Мордовские слова принадлежат к диалекту эрзя, в котором используется звук /ä/, например: *мякш* ‘пчела’ (сегодня: *мекш*), *вяли* ‘село’ (*веле*), *тяхтирь* ‘дочь’ (*тейтерь*) [13, *83*; 15, *15–16*].

Во второй половине XVIII столетия были составлены еще два кратких рукописных списка. Один из них – работа Мендиер Бекдорина, в которой 357 русских слов с переводом на черемисский, чувашский и эрзя («Список русских слов с переводом на черемисский, чувашский, мордовский языки»), а другой – эрзянско-немецкий список, содержащий 84 слова (“Mordwinische Sprachproben”), в котором материал на эрзянском записан кириллицей [13, *79*, *83*].

Около 2 000 слов включает и рукописный русско-эрзянский список под заголовком «Слова, взятые из разговоровъ для переводу на мордовской языкъ. Валтъ саизь кортамста путумксъ ярзя кель ланксъ». Его автор – студент Нижегородской семинарии Григорий Симилейский. Разбитый на 130 уроков список был изготовлен с целью преподавания и охватывает повсе-

дневную бытовую лексику. Материал содержит и немало неологизмов, например: *ашо маций* ‘белый гусь = лебедь’, *ине вядь* ‘большая вода = море’, *ковонь вал* ‘месяц слово = календарь’, *олго вядь* ‘солома вода = пиво’, а также множество заимствований из русского языка [13, *47–52*]. Феоктистов считает вероятным, что Симилейский послал свой труд Дамаскину. Мы можем с уверенностью подтвердить это, ведь неологизмы списка регулярно появляются в словаре епископа.

Еще большим по объему является включающий около 2 500 слов русско-эрзянский список, относящийся к концу XVIII в. («Словарь языка мордовского»). Его автор неизвестен. Этот список содержит много архаичных слов, сегодня встречающихся лишь в диалектах, однако в нем мало заимствований из русского языка. По мнению Феоктистова, правописание и оформление списка слов во многом сходны со словарем Дамаскина. Возможно, этот материал был одним из предшественников словаря епископа [13, *52*, *56–58*].

10. Иван Иванович Лепехин (1740–1802), руководитель так называемой Второй Оренбургской экспедиции, члены которой между 1768 и 1772 гг. обошли Поволжье и оренбургский регион. В своих путешествиях он написал этнографические заметки о многих народах, изданные в четырехтомном путевом дневнике «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства» [4].

В первом томе появившегося в 1771 г. труда, в главе «*О мордве, чувашахъ и татарахъ*»[5], помимо двух дюжин мордовских слов (например: э. *пилексъ* ‘серьги’, *панаръ* ‘женская рубаха’, *кексъ* ‘браслет’ (сегодня: *кедькс*), *карксъ* ‘пояс’; *сюрлакъ* ‘женский пояс’, *сюлгама*, м. *щурка* ‘нагрудная застежка’, *каргаужна* ‘колье’ и т. д.) приводятся три коротких текста, написанных на мокшанском [см.: 11, *23–30*]. Это следующие тексты (в нескольких местах мной исправляется запись Феоктистова, уточняются его некоторые морфологические выводы): (1) *Трязя, вядря шкабасъ, макстъ чаче зіора калдасъ живота, куцъ семья, шумара уляза миръ ингалкаю, монь, миньгакъ ста трямястъ*. – ‘Мой кормилец, небесное божество, дай обильный хлеб, скот во двор, в дом семью, сохрани здоровье мира и в будущем, прокорми так меня и нас!’ (2) *Кебеди, валюги каубавасъ, тряда, ванда, шибавасъ, кубавасъ*. – ‘Восходящий, заходящий месяц, кормите, оберегайте, солнце, месяц.’ (3) *Кебеди, валюги шибавасъ, тряда, ванда, кубавасъ*. – ‘Восходящее, заходящее солнце, кормите, оберегайте, месяц’. Как видим, это своего рода заклинания, языческие молитвы (подробный анализ трех предложений см.: [25, *57–71*]).

11. Распространение христианства в XVIII в. с лингвистической точки зрения однозначно сулило выгоду финно-угорским и тюркским народам: Казанская, а позже и Нижегородская духовные семинарии сыграли чрезвычайно важную роль в образовании и развитии их письменности.

Петербургская академия в 1769 г. издала том под названием «Духовная церемония», который содержал духовные тексты на русском, латинском и греческом языках и помимо них несколько отрывков стихов и прозы на марийском, удмуртском, мордовском, чувашском и татарском языках. Том был издан в честь казанского визита императрицы Екатерины II. В этом томе находим более длинный текст на эрзянском [18, *55–57*, *236*] (запись была мной исправлена в нескольких местах): *Вясе минь эрь чистэ кшнасынекъ вясе оймсынь сонсензэ Пазость, и тынкъ инязорость: сонъ миндянекъ ванкексънымъ, тынь, инязороавась пекъ партадо. Тынь лажатадо вясемень минекъ прявейстэ тяйме: вясе минь бу пазъ икеле вадрясто эряволнекъ и яла уцяскавсто улевелнекъ*. – ‘Все мы ежедневно восхваляем всей душой самого бога и вас, царицу. Он для нас священный, и вы, царица, очень добры. Вы печетесь (вопите) всех нас умными сделать. Чтобы все мы перед богом хорошо жили бы и

[5] http://www.runivers.ru/upload/iblock/9be/Lepehin_ch1.pdf.

всегда счастливыми могли бы быть' (подробный анализ текста см.: [25, *73–90*]).

12. В 1782 г. в Москве появляется еще один похожий том под заголовком «Сочинения в прозе и стихах». Это произведение было издано в честь основания казанского наместничества (главного управления), в него вошли тексты, прозвучавшие на торжестве по случаю открытия. Книга помимо греческой, латинской и немецкой прозы и стихов содержит мордовские, марийские, татарские, удмуртские, чувашские и калмыцкие тексты.

Мордовский материал, состоящий всего из шести печатных строк, – первое мордовское (содержащее рифмы) стихотворение на диалекте мокша. Автор этого переведенного с русского языка стихотворения не владел мордовским языком в совершенстве. Интерпретация стихотворения поставила перед трудной задачей даже такого знатока темы, как Феоктистов [14, *109–110*; 18, *57–58*], который смог интерпретировать лишь часть текста. Мной тоже была предпринята попытка интерпретации, но все же в нем остались спорные места. Предложенный мной вариант прочтения следующий: *Кода аф радывамсъ минденикъ талану: вь танахъ [?] пякъ / оцю кудазырынь ава чебюрста ванысь минь / лажнай сембинди тiинчь кисть [?] шумуратъ анцякъ / сяксъ кельгизя путымсъ казанстыякь кудъ видинь / тюнь парать минь няизь вештяма максыза атяма / оцю кудазыръ минь авати эрямсъ шумураста парста лама.* Приблизительный перевод текста следующий: 'Как не радоваться нам неудачно: очень великая царица красиво оберегает нас, заботится о том, чтобы все здорово работали, только поэтому хотела она основать дом справедливости в Казани, эту доброту видя мы просим, пусть бог даст великой царице жить во здравии хорошо, долго' (подробнее см.: [25, *91–108*]).

13. К концу XVIII в. появляется все больше текстов на мордовском и они становятся все длиннее. В данной статье я приведу лишь один из них, а именно первый перевод «Отче наш» (согласно моему исследованию, по сей день «Отче наш» был переведен на эрзянский 11 раз). Этот перевод был сделан студентом риторического факультета Казанской духовной академии Феодором Беляевым в последней трети XVIII столетия. Текст был написан на эрзянском, в котором использовался звук /*ä*/. Феоктистов уделяет ему немного внимания в своей монографии, темой которой является зарождение мордовского литературного языка. Он дает запись текста на кириллице и латинице, но лишь в нескольких строках передает информацию о его языке [13, *20*, *23*]. Предложенное мной прочтение: '*Тятяй минекъ / кона эрятъ мянель ланксо / улеза святой ляметь тоньть / сазоякъ инязорокирдима тоньть / улеза олятъ тонть / кода мянель ланксо истяякъ масторъ ланксо / кши минянекъ тука эрьва чистэ / кадыкъ минянекъ пандомонокъ минекъ / кодаякъ минь пандлитянокъ пандлицынень минекъ // иля совавта минекъ кодамоякъ бедасъ / но ваномискъ шайтянсто*' (подробнее см.: [27]).

14. Пиком достижений мордовской лексикографии XVIII в. стал многоязычный словарь Иоанна Дамаскина (1737–1795) «Словарь языков разных народов». Лингвистический талант Дамаскина (по рождению его имя было Дмитрий Семенов) проявился уже в московской Славяно-греко-латинской академии. По окончании этого учебного заведения в 24 года он стал преподавателем риторики и греческого языка. Спустя несколько лет, в 1765 г., его приглашают в Санкт-Петербург, затем посылают в Геттинген. По возвращении домой в 1772 г. Д. Семенов получает профессорскую степень. В 1775 г. в его жизни начинается новая глава, связанная с постригом в монахи с именем Иоанн Дамаскин. Вскоре он становится ректором Славяно-греко-латинской академии, затем назначается епископом. С 1783 г. он руководит Нижегородской епархией. Им были осуществлены значительные нововведения в духовной семинарии: подчеркивалась необходимость преподавания языков региона: татарского, мордовского и чувашского. По его инициативе в семинарии стали проводиться так называемые диспуты, на

которых читались религиозные тексты на русском, латинском, греческом, немецком, французском и на трех упомянутых местных языках [8, *79–81*].

Деятельность Дамаскина совпадает во времени с правлением просвещенной императрицы Екатерины II. Екатерина считала задачей первостепенной важности научное описание России, проживающих здесь народностей и их языков (см. экспедиции). Царица обратилась к Дамаскину с просьбой составить словарь языков народов, проживающих в Нижегородской епархии. Епископ выполнил просьбу, и уже в 1785 г. был готов двухтомный словарь. Первая часть – русско-татарско-эрзянский словарь на 1 038 страницах, вторая – русско-марийский список слов на 746 страницах. Известны два рукописных экземпляра этого словаря, один из которых хранится в Нижнем Новгороде, а другой – в Петербурге. Мордовская часть словаря была издана в 1971 г. Феоктистовым [1].

Список слов Дамаскина – самый большой по объему мордовский памятник языка XVIII в. – включает в себя 11 тыс. словарных статей. Он записан на основе русского правописания того периода. В словаре множество слов, которые могут считаться новыми, «созданными» словоформами. Это понятно: автор был вынужден дать название новым выражениям, явлениям, предметам, которые до него были известны лишь узкому кругу людей в Мордовии. В этом епископу помогли его знание иностранных языков и пребывание в зарубежных странах. Среди новых словоформ есть традиционные категории, например, названия частей тела, названия животных и растений, родственных связей. Кроме того, Дамаскин находит новые выражения для названия типов зданий, болезней и др. Из семантических групп две самые крупные – термины, связанные с работой официальных учреждений, и духовные (религиозные) термины. В этом нет ничего удивительного: становление государственного аппарата и распространяющееся христианство принесли мордве множество новых понятий, которым нужно было найти название. Ниже представлены несколько значительных семантических групп.

Лексика с церковной, религиозной тематикой: *ад* (37)[6] ~ *чопуда тарка* ‘темное место’; *епископ* (91) ~ *ломань озныця* ‘человек молящийся’; *милосердіе* (140) ~ *вечкемста максома* ‘из любви дающий’; *проповедник* (233) ~ *паз валонь іовлиця* ‘рассказывающий (проповедующий) божье слово’.

Государственное управление, право, учреждения: *адвокат* (37) ~ *тявь мялга якиця* ‘по делам ходящий’; *государство* (76) ~ *инязоронь мастор* ‘царская страна’; *заимодавец* (98) ~ *ломанень максни* ‘людям дающий’; *магистрат* (138) ~ *судямонь кудо* ‘судебный дом’; *сенат* (257) ~ *покш судямонь тарка* ‘большое судебное место’.

Названия профессий: *водолаз* (56) ~ *вяц совсиця* ‘в воду лазящий’; *комедіант* (122) ~ *налкумань ломань* ‘игрушечный человек’; *кузнец* (129) ~ *кшинь чави* ‘железо кующий’; *куріер* (129) ~ *курок якиця* ‘быстро двигающийся’; *плотник* (202) ~ *узерце тяиця* ‘топором делающий’; *сапожник* (253) ~ *кемень стыця* ‘сапоги шьющий’; *целовальник* (307) ~ *ченьксень микшниця* ‘вина продавец’.

Различные предметы: *линейка* (133) ~ *витеме чувто* ‘дерево для исправления’; *мыльня* (146) ~ *екшелеме пель* ‘средство для мыться’; *парик* (194) ~ *путозь черть* ‘поставленные волосы’; *статуя* (276) ~ *чувтонь ломань* ‘деревянный человек’; *фонарь* (302) ~ *толонь гантлема* ‘предмет для ношения огня’.

Отвлеченные понятия: *великолепіе* (50) ~ *покш слава* ‘большая слава’; *нищета* (170) ~ *пара чи арась* ‘имущества нет’; *повтореніе* (203) ~ *омбоцеде теима* ‘вторично делающий’; *поздравленіе* ~ *пара арцема* ‘доброе пожелание’; *праздность* (218) ~ *тяфтеме якамо* ‘хождение без дела’; *тщеславіе* (291) ~ *тявьтеме прянь кшнамо* ‘без дела самовосхваление’.

[6] Число в скобках указывает на номер страницы словаря Дамаскина издания 1971 г.

Названия животных: *вепрь* (50) ~ *идемь туво* ‘дикая свинья’; *дельфин* (80) ~ *иневядень туво* ‘морская свинья’; *лебедь* (132) ~ *ашо мацей* ‘белый гусь’; *лошак* (135) ~ *идемь лишме* ‘дикая лошадь’; *орел* (182) ~ *тумо атякш* ‘дуб петух’; *осел* (183) ~ *нузякс лишме* ‘ленивая лошадь’ (подробнее см.: [25, *155–193*]).

Словарь Дамаскина может считаться одним из выдающихся достижений мордовской лексикографии не только из-за охваченного им огромного материала, но и из-за деятельности автора, которая являлась значительной вехой на пути обновления мордовского литературного языка, развития словарного состава. Прошедшие столетия, к сожалению, сохранили лишь немногое из новаторств епископа, но влияние Дамаскина и так было огромно.

Итоги. Хотелось бы подчеркнуть, что становление письменности волжских и пермских (а также тюркских) языков региона произошло одновременно, сходным образом. Отправлявшиеся из Петербурга экспедиции описали все проживавшие здесь народности и оповестили не только об их обычаях и образе жизни, но и о языке. Другим важным моментом стало основание Казанской и Нижегородской духовных семинарий, в которых перевод литургических текстов на финно-угорские и тюркские языки явился одним из средств распространения христианства. Результатом этого служат многоязычные тома, содержащие тексты церковных ритуалов, молитв, стихотворений и т. д., а также переводы молитвы «Отче наш». Позже, с первой трети XIX в., появляются первые библейские переводы, открывая новую главу в истории мордовской письменности.

Поступила 23.01.2014

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Дамаскин, И.* Словарь языков разных народов, в Нижегородской епархии обитающих, именно россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис. По высочайшему соизволению и повелению ее императорского величества премудрой государыни Екатерины Алексеевны, императрицы и самодержицы всероссийской. По алфавиту российских слов расположенный и в Нижегородской семинарии от знающих оные языки священников и семинаристов под присмотром преосвященного Дамаскина епископа Нижегородского и Алаторского сочиненный 1785-го года. – 1785. (Феоктистов А. П. Русско-мордовский словарь. Из истории отечественной лексикографии. – М., 1971).
2. *Елисеев, Ю. С.* Финский язык // Основы финно-угорского языкознания 2. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки / отв. ред. В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, Карой Редеи. – М., 1975. – С. 122–167.
3. *Каск, А.* Эстонский язык // Основы финно-угорского языкознания 2. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. – С. 167–202.
4. *Лепехин, И. И.* Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям

BIBLIOGRAPHY

1. *Damaskin, J.* Dictionary of the languages of different peoples of Nizhny Novgorod diocese, namely Russians, Tatars, Chuvash, Mordovians and Cheremissian. Upon the royal permission and command of Her Imperial Majesty all-Wise Empress, Catherine I, the empress of All-Russia. In alphabetical order of Russian words, made in Nizhny Novgorod Seminary by knowledgeable in languages priests and seminarians, under the supervision of His Grace Damaskin, Bishop of Nizhny Novgorod and Alator in the year 1785–1785. (Feoktistov A. (1971) Russian-Mordovian Dictionary. From the history of Russian lexicography, Moscow).
2. *Eliseev, S.* (1975) Finnish language, in Lytkin, V., Maytinskaya, K., Rédei, Karoly (eds.) Basics of Finno-Ugric linguistics 2. Baltic-Finnish, Sami and Mordovian languages, Moscow: Nauka, pp. 122–167.
3. *Kask, A.* Estonian language, Basics of Finno-Ugric linguistics 2. Baltic-Finnish, Sami and Mordovian languages, pp. 167–202.
4. *Lepekhin, I.* (1771–1805) Day-time travel notes of Droctor and an Associate of Academy of Sciences Ivan Lepekhina in various provinces of the Russian state, Saint-Petersburg.

Российского государства / И. И. Лепехин. – СПб., 1771–1805.
5. *Лыткин, В. И.* Древнепермский язык / В. И. Лыткин. – М. : Изд-во АН СССР, 1952.
6. *Лыткин, В. И.* Общие сведения о финно-угорских языках // Основы финно-угорского языкознания 1. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / отв. ред. В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, Карой Редеи. – М., 1974. – С. 18–28.
7. *Миллер, Г. Ф.* Описания живущих в Казанской губернии языческих народов / Г. Ф. Миллер. – СПб., 1791.
8. *Мокшин, Н. Ф.* Мордва глазами зарубежных и российских путешественников / Н. Ф. Мокшин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1993.
9. *Паллас, П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий = Linguarum totius orbis vocabularia comparativa / П. С. Паллас. – СПб., 1786–1787.
10. *Тепляшина, Т. И.* Пермские языки / Т. И. Тепляшина, В. И. Лыткин // Основы финно-угорского языкознания 3. Марийский, пермские и угорские языки / отв. ред. В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, Карой Редеи. – М., 1976. – С. 97–226.
11. *Феоктистов, А. П.* Мордовские языки и диалекты в историко-этнографической литературе XVII–XVIII вв. // Очерки мордовских диалектов II. – Саранск, 1963. – С. 3–36.
12. *Феоктистов, А. П.* Мордовские языки // Языки народов СССР III. Финно-угорские и самодийские языки / отв. ред. В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская. – М., 1966. – С. 172–220.
13. *Феоктистов, А. П.* Истоки мордовской письменности / А. П. Феоктистов. – М. : Наука, 1968.
14. *Феоктистов, А. П.* Первые текстовые записи на мордовских языках // CIFU-2/1. – 1968. – С. 106–114.
15. *Феоктистов, А. П.* Русско-мордовский словарь. Из истории отечественной лексикографии / А. П. Феоктистов. – М. : Наука, 1971.
16. *Феоктистов, А. П.* “Linguarum totius orbis vocabularia comparativa” в его мордовской части // Finno-ugristica 1. – Tartu, 1975. – С. 117–127.
17. *Феоктистов, А. П.* Мордовские языки // Основы финно-угорского языкознания 2. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки / отв. ред. В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, Карой Редеи. – М., 1975. – С. 248–344.

5. *Lytkin, V.* (1952) Old Permian language, Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences.
6. *Lytkin, V.* (1974) General information on the Finno-Ugric languages, in Lytkin, V., Maytinskaya, K., Rédei, Karoly (eds.), Basics of Finno-Ugric Linguistics 1. The origins and development of the Finno-Ugric languages, Moscow, pp. 18–28.
7. *Miller, G.* (1791) The Descriptions of pagan peoples living in Kazan province, Saint-Petersburg.
8. *Mokshin, N.* (1993) Mordovians in the eyes of foreign and Russian travellers, Saransk: Mordovian Publishing House.
9. *Pallas, P.* (1786–87) Comparative Dictionaries of all languages and dialects = Linguarum totius orbis vocabularia comparativa, Saint-Petersburg.
10. *Teplyashina, T.* and Lytkin, V. (1976) Permian languages, in Lytkin, V., Maytinskaya, K., Rédei, Karoly (eds.) Basics of Finno-Ugric linguistics 3. Mari, Permian and Ugric languages, Moscow, pp. 97–226.
11. *Feoktistov, A.* (1963) Mordovian languages and dialects in historical and ethnographic literature of XVII–XVIII, Essays on Mordovia dialects II, Saransk, pp. 3–36.
12. *Feoktistov, A.* (1966) Mordovian languages, in Lytkin, V., Maytinskaya, K. (eds.) Languages of the Peoples of the USSR III. Finno-Ugric and Samoyed languages II, Moscow, pp. 172–220.
13. *Feoktistov, A.* (1968) Origins of Mordovian writing, Moscow: Nauka.
14. Feoktistov, A. (1968) The first text entries in the Mordovian languages, CIFU-2/1, pp. 106–114.
15. *Feoktistov, A.* (1971) Russian-Mordovian Dictionary. From the history of Russian lexicography, Moscow: Nauka.
16. *Feoktistov, A.* (1975) Linguarum totius orbis vocabularia comparativa in the Mordovian part, Finno-ugristica 1, Tartu, pp. 117–127.
17. *Feoktistov, A.* (1975) Mordovian languages, in Lytkin, V., Maytinskaya, K., Rédei, Karoly (eds.) Basics of Finno-Ugric linguistics 2. Baltic and Finnish, Sami and Mordovian languages, Moscow: Nauka, pp. 248–344.
18. *Feoktistov, A.* (1976) Essays on the history of the formation of Mordovian writing and literary language, Moscow: Nauka.
19. *Feoktistov, A.* (1980) Emergence of the national literature, in Tsygankin, D. (ed.) Grammar of the Mordovian languages, Saransk, pp. 5–8.

18. *Феоктистов, А. П.* Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков / А. П. Феоктистов. – М. : Наука, 1976.
19. *Феоктистов, А. П.* Возникновение национальной письменности // Грамматика мордовских языков / под ред. Д. В. Цыганкина. – Саранск, 1980. – С. 5–8.
20. *Bartens, H.-H.* N. Witsens Berichte über die uralischen Völker // Nyelvtudományi Közlemények. – 1978. – No. 80. – P. 413–416.
21. *Bartens, R.* Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. – MSFOu 232. – Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1999.
22. *Fischer, J. E.* Vocabularium Sibiricum (1747). Der etymologisch-vergleichende Anteil. Bearbeitet und herausgegeben von János Gulya. (Opuscula Fenno-Ugrica Gottingensia VII.) – Frankfurt am Main etc., 1995.
23. *Keresztes, L.* Geschichte des mordwinischen Konsonantismus I. – Szeged : Studia Uralo-Altaica 27. – 1987.
24. *Keresztes, L.* Chrestomathia Morduinica. – Budapest : Tankönyvkiadó, 1990.
25. *Maticsák, Sándor.* A mordvin írásbeliség kezdetei (XVII–XVIII. század). – Debrecen : Debreceni Egyetemi Kiadó, 2012.
26. *Maticsák, S.* A XVII–XVIII. századi mordvin nyelvemlékek nyelvjárási hovatartozása // Nyelvtudományi Közlemények. – 2012. – No. 108. – P. 139–164.
27. *Maticsák, S.* The first Mordvin translation of the Lord's Prayer // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. – 2012. – No. 36. – P. 93–122.
28. *Maticsák, S.* The first period of Mordvin lexicography : 17–18th century glossaries and dictionaries // Lingustica Uralica. – 2013. – No. 49. – P. 292–305.
29. *Mikola, T. N.* Witsens Berichte über die uralischen Völker. Aus dem Niederländischen ins Deutsche übersetzt von Tibor Mikola (Mit einem Anhang). – Szeged : Studia Uralo-Altaica VII, 1975.
30. *Raun, A.* The Mordvin language // The Uralic languages. Description, history and foreign influences / ed. Denis Sinor. – Leiden ; New York ; København ; Köln : Brill, 1988. – P. 96–110.
31. *Strahlenberg, P. J. von*. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. – Stockholm, 1730. (= Studia Uralo-Altaica 8. – 1975).
32. *Witsen, N.* Noord en Oost Tartarye, ofte bondigh ontwerp van eenige dier landen, en volken, zo als voormaels bekent zyn geweest. – Amsterdam, 1692.

20. *Bartens, H.-H.* N. Witsens Berichte über die uralischen Völker // Nyelvtudományi Közlemények. – 1978. – No. 80. – P. 413–416.
21. *Bartens, R.* Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. – MSFOu 232. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1999.
22. *Fischer, J. E.* Vocabularium Sibiricum (1747). Der etymologisch-vergleichende Anteil. Bearbeitet und herausgegeben von János Gulya. (Opuscula Fenno-Ugrica Gottingensia VII.) – Frankfurt am Main etc., 1995.
23. *Keresztes, L.* Geschichte des mordwinischen Konsonantismus I. – Szeged: Studia Uralo-Altaica 27. – 1987.
24. *Keresztes, L.* Chrestomathia Morduinica. – Budapest: Tankönyvkiadó, 1990.
25. *Maticsák, Sándor.* A mordvin írásbeliség kezdetei (XVII–XVIII. század). – Debrecen: Debreceni Egyetemi Kiadó, 2012.
26. *Maticsák, S.* A XVII–XVIII. századi mordvin nyelvemlékek nyelvjárási hovatartozása // Nyelvtudományi Közlemények. – 2012. – No. 108. – P. 139–164.
27. *Maticsák, S.* The first Mordvin translation of the Lord's Prayer // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. – 2012. – No. 36. – P. 93–122.
28. *Maticsák, S.* The first period of Mordvin lexicography: 17–18th century glossaries and dictionaries // Lingustica Uralica. – 2013. – No. 49. – P. 292–305.
29. *Mikola, T. N.* Witsens Berichte über die uralischen Völker. Aus dem Niederländischen ins Deutsche übersetzt von Tibor Mikola (Mit einem Anhang). – Szeged: Studia Uralo-Altaica VII, 1975.
30. *Raun, A.* The Mordvin language // The Uralic languages. Description, history and foreign influences / ed. Denis Sinor. – Leiden; New York; København; Köln: Brill, 1988. – P. 96–110.
31. *Strahlenberg, P. J. von*. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. – Stockholm, 1730. (= Studia Uralo-Altaica 8. – 1975).
32. *Witsen, N.* Noord en Oost Tartarye, ofte bondigh ontwerp van eenige dier landen, en volken, zo als voormaels bekent zyn geweest. – Amsterdam, 1692.